

A close-up, vertical photograph of a grey tabby cat's face. The cat has large, light-colored eyes and is looking directly at the camera. The lighting is somewhat dim, highlighting the texture of its fur and the intensity of its gaze.

СЕРГЕЙ ТАРАСОВ

МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

Сергей Тарасов

Мышиный король

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70511248

SelfPub; 2024

Аннотация

Мой школьный приятель привил мне любовь к радиоэлектронике, и когда я из всякого радиохлама собрал электронный блок, с его помощью отправил своего помощника посмотреть, – как там обстоят дела, в будущем.

Сергей Тарасов

Мышиный король

Белка был самым лучшим моим приятелем в школе. У него было столько увлечений, что я только диву давался, – он играл на баяне, гитаре, хорошо пел: у него был красивый голос и слух. Кроме этого шил брюки, мог сделать пистолет или электрогитару. Но больше всего мне нравилось, что он инстинктивно мог разобраться в любой электронике. Он вечно что-то паял, возился со схемами и радиодеталями, и как-то собрал очень простой, маленький радиопередатчик, который установил на своей электрогитаре. Теперь он ставил рядом с собой радиоприемник и когда брал аккорды, то гитару было слышно через радиоприемник. Дальность передачи сигналов была, правда маленькой – несколько метров, но больше и не надо было.

После уроков мы проводили много времени вдвоем – пили брагу, курили, играли на гитарах и ходили в походы. По видимому, у него мозги были заточены на создание всяких электронных штучек, и я ему завидовал. Мои мозги были устроены по-другому, а в электронике я в это время не понимал совсем ничего. Но я постоянно учился у Белки, уже мог отличить диод от транзистора и мог припаять вышедшую из строя радиодеталь в радиоприемнике.

Наверное, это он был виноват в том, что у меня проснулся интерес к радиоэлектронике. Меня сейчас трудно заставить выкинуть на помойку любой, даже сломанный радиоприемник, или прибор, и я за всю жизнь ничего не выкинул – с самой школы. Правда, когда-то у меня был радиоприемник Океан, который меня сопровождал в полевых сезонах – под запрещенную тогда рок-музыку я работал по ночам в палатке, чертил геологические карты, оформлял полевые книжки и зарисовки шурфов. Этот радиоприемник я нашел на какой-то помойке, и после долгих попыток, наконец, заставил его работать. Но после трех полевых сезонов он стал болеть, и осенью, когда я приезжал домой, его приходилось чинить, чистить и настраивать.

Когда перед очередным моим выездом в командировку он заболел, в очередной раз, а лечить его у меня уже не было времени и желания, я попросил своего брата, Леву, починить его. Но он тоже не смог вернуть моего верного товарища к жизни. Выкинуть его на помойку у меня не поднималась рука, я просто взял его на руки, пошел на окраину поселка и поставил его на тропинку, по которой часто ходили садоводы и рабочие в депо.

У меня комок застрял в горле, когда после прощания с ним я пошел в лес и оглянулся на «Океан», который остался стоять на тропинке. Я утешался тем, что может быть, его найдет хороший человек – отдаст в ремонт, где его сделают, настроят, и потом он будет радовать своего нового хозяина

песнями и хорошими новостями.

Но без приемника ехать в поле я не мог, поэтому купил в магазине радиоприемник, тоже «Океан», только другую модель, и с ним уехал в командировку. Сейчас он тоже на заслуженной пенсии, как и я, но иногда подключаю к нему смартфон, и мы с ним вместе слушаем песни нашей молодости, – в моем исполнении, а также песни моих друзей, под гитару и баян.

Батарейки в этих советских радиоприемниках стояли большие. Для работы приемника их надо было шесть штук. Покупка их было разорением для обладателя такого радиоприемника – надо было отдать примерно рублей двести. Сейчас вместо них в радиоприемниках стоят пальчиковые, или совсем маленькие батарейки, – очень дешевые, а в любом мобильном телефоне есть радио. Народ стал избавляться от старых приемников, выкидывать их на помойку, или отдавать в радиомагазины, в которых их ставили на полку, как музейные экспонаты, и все покупатели не сводили с них глаз.

А я, увидев очередной выкинутый приемник, или электронное устройство, тащил их себе домой. Мне иногда удалось вернуть их к жизни; а те, которые уже умерли, находили покой на чердаке дома. Там собралась целая компания разных электронных устройств – DVD плееры, советские радиоприемники, магнитолы, электрофоны, проигрыватели виниловых пластинок, усилители и видеоманитофоны: их я не в силах починить – не мог найти оригинальную радиоде-

таль, или в них выходила из строя микросхема, которую уже не выпускалась.

На чердаке дома у меня был всегда порядок. Я поддерживал его постоянно, когда поднимался туда на лестнице за какой-то мелочью, и всегда здоровался с этими электронными устройствами, которые отдыхали там, в тишине и покое. Потом, после посещения чердака, задумывался, что с ними станет, если я покину этот мир. Их же мои наследники просто выкинут на помойку, – при этой мысли мне становилось не по себе. Мне надо было придумать вещь, которую можно собрать из этих электронных блоков, старых радиоламп, микросхем и проводов. Кроме того, у меня были два системных блока для компьютера, ящик с видеорегистраторами и большое количество систем видеонаблюдения, с которыми я не знал, что делать.

На пенсии иногда находится время, когда можно отдохнуть, развлечься, сделать какую-то нужную вещь из этого радиохлама, или изобрести какую-то необходимую электронную игрушку. Мне часто вспоминается время, которое я бездумно тратил на девушек и всякие пустяки в юности, – и тогда я испытываю легкую грусть, жалея, что это время уже не вернуть. Но мне очень хотелось его вернуть, хотя бы на несколько мгновений, все зависело только от меня – от моего желания, возможностей и сообразительности.

В один прекрасный день я принес в мастерскую все устройства, которые работали от сети, или от батареек, и

принялся за работу. На многочисленных стеллажах в мастерской стояли все мои электронные игрушки, которые я принес с чердака: старые разобранные радиоприемники, видеорегистраторы, плееры, блоки от компьютеров, видеокамеры, валялись провода, лежали материнские платы и просто радиодетали, оставшиеся от старых телевизоров и электронных блоков.

Прошло несколько недель. Я с утра до позднего вечера возился с этим электронным барахлом, и у меня на столе стал расти новый электронный блок, неказистый на вид, но, тем не менее, он уже подавал слабые признаки жизни. Мне еще не приходило в голову, как его назвать, это мое детище, но задача у него была одна – закинуть сначала какую-то подопытную мышку, а потом и меня – на несколько минут – в прошлое, или в будущее. Радиодеталей и переключателей у меня уже не хватало, – практически все, что несколько недель стояло на стеллажах в мастерской, переместилось на стол – в этот новый электронный блок. Корпуса у него еще не было – сначала мне надо было выяснить, будет ли он работать, или придется что-то паять, или, наоборот, выпаивать.

Наконец, работа подошла к концу. Я посмотрел в седьмой раз фильм «Иван Васильевич меняет профессию», и отправился спать, чтобы утром испробовать созданную мной машину времени и пространства – на мышке, которую мне еще надо было поймать. Где-то в и моем дворе жила мышинная семейка, мне надо было одну поймать и уговорить ее стать

испытателем моего, страшного на вид электронного блока. Мыши перебегали предо мной двор каждое утро, когда я проходил в огород, но в этот день они спрятались – словно чувствовали, что их ждет. Никто не хотел рисковать своей единственной мышинной жизнью, даже за вкусный кусочек сыра.

Я прождал мышку несколько минут с этим сыром, но потом разочаровался и пошел в огород: уговаривать воробьев, чтобы они приняли участие в испытаниях. Они даже и слушать меня не стали – как только подошел к кормушке, они все улетели. «Что же мне делать?», подумал я, – испытывать на себе это изобретение я не был готов – ведь это очень опасно, быть испытателем...

В этот момент на крыльцо вылез, потягиваясь, кот Кузя. Он выпался после ночных походов, и искал меня, чтобы потребовать завтрак. Это был настоящий испытатель в душе, и не зря в это утро он попался мне на глаза – наверное, он просто мечтал испытать мое изобретение. Я поднял его и понес на кухню – прямо к его блюдцу. Налил туда молока и положил рядом кусок колбасы. Когда он все съел, мы вместе пошли в мастерскую, – вернее пошел я, а Кузя ехал на испытания на моих руках.

Он не любил бывать в мастерской – там всегда было прохладно и пахло растворителем, краской, маслом и канифолью. Любимое его место летом было на диване, или на поленице в огороде, – там он дремал и махал лапой на отча-

янных воробьев, которые летали у него под носом. А зимой он всегда на ночь устраивался на постели, в моих ногах, и когда я не мог повернуться на бок, мне приходилось его сгонять. Он сидел рядом с кроватью и ждал, когда я усну, чтобы снова залезть на теплую и мягкую кровать – до самого утра. Сейчас ему придется за все заплатить – за еду, за ласки и за сон на моей постели.

Большой клетки у меня не было – ведь я рассчитывал на маленькую мышь, но вспомнил, что дрова в баню я таскал в большой корзине, которую сделал отец из алюминиевой проволоки. По дороге я захватил эту корзинку, посадил туда Кузю, и мы зашли, наконец, с будущим испытателем, в мастерскую. Я поставил корзинку с Кузей на стул, закрыл ее крышкой, потом включил рубильник на стене и щелкнул тумблером на панели. Пока электронный блок разогревался, я достал два провода с крокодильчиками на конце и подсоединил к клетке. Все было готово.

На всякий случай я попрощался с котом, смахнул слезу и нажал кнопку. Он мяукнул в ответ, и пропал, – отправился на несколько сотен лет в будущее. Для того чтобы мне потом было узнать, где он побывал, как его встретили, и что он увидел, я нацепил на его ошейник с его именем маленькую видеокамеру. В будущем он должен пробыть целый час, а потом вернуться, в эту же корзинку. Пока он там ходил по гостям и осматривал окрестности, я успел попить чаю с блинчиками из кабачков с грушевым вареньем, покурить в

кресле, под яблоней и немножко поволноваться за кота.

С часами в руках я устроился перед корзиной и стал ждать. Когда секундная стрелка остановилась, в корзине появился Кузя. Он прибыл минута в минуту. Я выключил питание электронного блока, отсоединил крокодильчики, снял крышку и вытащил из нее первого испытуемого – Кузю. Он не сопротивлялся, только мяукнул, когда я спросил у него, где он был, и как его встретили в будущем. Но он не стал отвечать, только махнул лапой.

На шее у него, кроме видеокамеры была цепочка с мерцающим алым цветом медальоном, а на ошейнике вместо одной таблички, где было его имя, появилась еще одна. На ней было написано «мышиный король». Мы с ним пошли в дом – посмотреть на компьютере записи видеокамеры. Когда запись загрузилась, на экране стали видны разрушенные небоскребы на фоне ярко зеленого неба. Людей не было видно – там были одни мыши, которые собрались перед объективом видеокамеры.

Дальше шли записи богато уставленного дома, с многочисленными обитателями – мышами, и, как я понял, там проходило торжественное собрание, на котором чествовали Кузю. Одна старая мышь подошла совсем близко, и в лапах у нее была та самая цепочка, которая была у Кузи на шее.

Мне стало понятно, что людей на нашей планете уже не было, остались лишь одни мыши, и мне жалко было к этому привыкнуть. Предстояло удостовериться в этом самому,

и мы с Кузей запланировали эту поездку на следующий день.